



Электронная библиотека  
Гражданское общество в России

---

**В. М. Межуев**

## Идея национального государства в исторической перспективе

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1992-5-6-2-Mezhuev.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

## **ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

**В. М. Межуев**

ТЕМА "Национальное государство" содержит в себе проблему повышенной теоретической сложности, научное решение которой требует специальных знаний и профессиональной квалификации. Свою задачу как философа я в данном случае вижу прежде всего в постановке вопроса о национальном государстве как об определенном роде идеи, возникающей в конкретных исторических обстоятельствах и делающей возможным существование особого типа политической идеологии - национальной: в каком отношении находится данная идея (и соответствующая ей идеология) к другим разновидностям политической мысли?

Среди этих других я выделил бы как наиболее влиятельные: либеральную и социалистическую. Первая исходит из идеи правового, вторая - из идеи классового государства. Так чем же все-таки является государство - (1) результатом общественного договора между самостоятельными, независимыми друг от друга индивидами, (2) органом классового господства или (3) выражением "коллективного духа нации"? Какая из этих версий происхождения и сущности государства: договорно-правовая, классовая или национальная — более всего соответствует реальности?

Каждая из них, очевидно, содержит свою правду о государстве, выявляет в нем какую-то важную и существенную сторону. Сам факт наличия этих идей в политическом сознании общества указывает на сложный процесс становления государства как такого образования, в котором в равной мере представлены, сплетены друг с другом классовые, национальные и гражданские интересы людей (причем одни не существуют без других, хотя в конкретной ситуации они могут сталкиваться в непримиримой борьбе).

В истории общественно-политической мысли идея национального государства возникает в ответ на идею правового государства, защищаемую и развиваемую идеологами классического европейского либерализма. И здесь уже заключена проблема. Как, собственно, понимать национально-государственную идею - как преодоление либерально-правовой идеи государства вследствие ее внутренних противоречий и неувязок или как ее неизбежное продолжение и дополнение?

Вот лишь один пример. В истории немецкой классической философии идеологом национального государства выступил, как известно, Фихте. Начав свою деятельность с активной защиты правового государства и общественного договора (в духе Локка и Руссо), он после наполеоновских войн и под воздействием борьбы немецкой буржуазии за свое освобождение от иностранного владычества и объединение Германии переходит на позиции крайнего национализма, отдавая в последних работах приоритет в государственном устройстве общества национальному началу, выраженному в нравственном духе и языке данного народа, перед формально-правовым. Начиная с Фихте национализм становится лозунгом немецкой буржуазии, в значительной степени направленным против либеральной идеи "всемирного гражданства", рожденной Французской революцией. В данном случае идея национального государства выступает как антипод правового государства с его принципом формально-юридического равенства людей. Борьба национализма с либерализмом пронизывает всю политическую историю Германии вплоть до установления господства гитлеризма. Это - с одной стороны.

С другой же, национальное государство многими историками и социологами рассматривается как закономерная и обязательная форма государственного устройства в период зарождения и укрепления буржуазного общества и, следовательно, как существенное дополнение идеи буржуазно-правового государства. С такой точки зрения, правовое государство, защищающее интересы частного лица, его политические и экономические свободы, не может не быть одновременно и национальным государством, защищающим территориальную выделенность и политическую целостность нации, гарантирующим ей развитие национального рынка и сохранность национальной культуры.

Очевидно, идея национального государства может служить в руках определенных сил как средством борьбы с либерально-правовой концепцией государства, так и своеобразным продолжением и развитием данной концепции. В первом случае в лице

национализма с его идеей национальной государственности либерализм находит своего непримиримого врага, во втором - союзника и помощника в осуществлении общей цели. Но в любом случае национально-государственная идея выявляет в современном государстве какую-то еще одну важную и существенную функцию, которая не учитывается в идеологии либерализма.

Наши демократы, горой стоящие за воплощение идеи правового государства, не всегда принимают во внимание опыт критического осмысления данной идеи (как со стороны национализма, так и со стороны социализма), накопленный в истории общественной мысли. Отсюда и уязвимость их политической позиции: чем с большей силой защищают они принципы либерализма и правового государства, тем сильнее почему-то по отношению к ним оппозиция со стороны национально-патриотических и социалистических сил, тем громче в их адрес обвинения в предательстве национальных и социальных интересов своего народа. Можно, конечно, отмахнуться от таких обвинений, объявить их корыстными происками "красно-коричневых", тем более что элемент корысти и реванша, несомненно, содержится в этих напаках; но только ли в нем все дело? Не скрывается ли за этим противостоянием какая-то действительно серьезная проблема, которую невозможно решить лишь в рамках либерально-правового сознания? Отменяет ли либерализм национальную и социалистическую идеи применительно к истолкованию ими природы государства? Сегодня многие демократы осознают ошибочность такой борьбы за ценности либерализма, когда при этом упускается из виду национальная идея, отдаваемая таким образом на откуп антидемократическим силам. Либеральные лозунги, лишённые национальной поддержки, не подкреплённые заботой об общенациональных интересах в области экономики, государственного устройства и культуры, не имеют шанса выстоять и победить.

Никакое правовое государство, основанное на признании суверенности и автономии индивида, его равных с другими прав и свобод, не отменяет того факта, что люди, обладающие такими правами и свободами, принадлежат к определенным социальным и национальным общностям, живут в границах конкретного государства. Их частные интересы так или иначе связаны с их общими интересами, обусловленными необходимостью сохранения и защиты объединяющей их группы или сообщества. Забота о собственном интересе не освобождает человека от усилий по защите своего отечества, по сохранению целостности своего государства, не лишает стремления к процветанию своей нации. Безусловно, пренебрежение частными интересами во имя общих чревато крайностями тоталитаризма, но насколько лучше забвение общих интересов ради частных? Идеология, односторонне ориентированная лишь на частное, сразу же находит себе оппозицию в лице других идеологий, подчеркивающих важность и ценность общего.

Начиная с Платона политическая мысль Запада упорно ищет модель "идеального государства", в котором частные интересы граждан органически сочетались бы с общими интересами общества и государства. В поисках такой "модели" и сформировались идеи правового, национального и классового государства, каждая из которых дает свой ответ на вопрос о том, каково должно быть "идеальное государство". Какое же место принадлежит здесь национально-государственной идее?

ИДЕАЛ правового государства, сформированный идеологами Просвещения, заключал в себе определенный элемент космополитизма, заставляющий мыслить человечество в виде некоторого "всемирного гражданства", объединенного общими для всех правами и свободами. Формально-всеобщий, наднациональный характер права нашел свое отражение в лозунгах Французской революции, в ходе которой прозвучал обращенный к народам мира призыв к "свободе, равенству и братству". Но гарантом прав граждан является все-таки государство, которое во многих странах Европы успело обрести к началу революции отчетливо выраженный национальный характер, резко контрастировавший с наднациональными империями раннего средневековья. Как совместить формально-юридическое равенство людей с тем обстоятельством, что они живут в разных государствах, принадлежат к разным народам, отличающимся друг от друга и по уровню своего экономического развития, и по своим культурным традициям и особенностям? В какой мере идею правовой свободы и равенства можно распространить за пределы отдельного государства, сделать достоянием всего человечества? Попытка навязать эту идею другим народам силой (что, собственно, и хотел осуществить Наполеон) ведет к потере ими своей государственной независимости, к восстановлению империи - теперь уже под либеральными лозунгами.

Либеральная программа, отстаивая равенство гражданских прав человека, не отвечает на другой, не менее важный вопрос - о равенстве прав каждого народа, в частности, его праве на государственное самоопределение. Устраняет ли юридическое равенство лиц исторически сложившееся неравенство между разными народами - богатыми и бедными, сильными и слабыми? Почему один народ имеет свою государственность, а другой — нет? В каком смысле можно вообще говорить о равенстве народов? Национальная идея тем и отличается от либеральной, что пытается решить не только проблему правового равенства людей разных национальностей, но и проблему равенства наций в смысле их права на самостоятельное экономическое, политическое и культурное развитие.

Иногда думают, что достаточно каждому гражданину дать одинаковые с другими права, как все проблемы национального размежевания и соперничества будут разрешены. Но совпадают ли полностью права отдельной личности с правами народа в целом, каждого государства? Означает ли соблюдение прав человека право каждого народа иметь свое государство, должно ли быть столько государств, сколько существует народов? Я не нашел в литературе прямого ответа на этот вопрос. Действительно, если я либерал и демократ, должен ли я отстаивать идею государственной независимости любого народа? Ведь так реально никогда не бывает. Как же сочетаются между собой идеология либерализма, признающая приоритет прав частного лица, и национально-государственная идеология, отстаивающая приоритет государственных интересов своей нации и народа?

УМЕСТНО, однако задаться прежде другим вопросом: чем вообще диктуется образование самостоятельных государств, что лежит в основе их генезиса? Обычно, отличая государства друг от друга, мы берем в качестве разделяющего их признака формы государственного правления. По этому признаку строились все типологии государственной власти - от Аристотеля и Платона до Монтескье. Но такие типологии не отвечают на вопрос о причинах происхождения государства, о том, что заставляет людей вообще объединяться в государства? Достаточен ли для образования государства сам факт существования того или иного народа?

Государство начинается, видимо, с того момента, когда народы и племена, связанные друг с другом системой кровно-родственных отношений, "опрокидывают" разделяющие их племенные границы на "почву", на землю, начинают различать себя по территории, которую они занимают. Возникает, помимо этнических различий, территориальное разделение народов. Вопрос о государстве — это с самого начала вопрос о границах, отделяющих одну территорию от другой. Как возникают такие границы, кто их устанавливает? Ведь они задаются не Богом и не природой, а устанавливаются по какому-то иному принципу. Вначале эти границы устанавливаются посредством силы. Каждый народ или племя стремится, опираясь на собственную мощь, в том числе и военную, не только очертить эти границы, но и как можно дальше раздвинуть их, расширить, так сказать, свое жизненное пространство. Подобное решение вопроса на ранних этапах существования государства объясняется тем, что главным его богатством в ту пору являются именно размеры занимаемой им территории, пространство, которым оно владеет.

Стремление народа к максимальному расширению своего жизненного пространства, а значит, к расширению границ своего государства, я назвал бы имперским принципом. То, что мы называем империей, в этом смысле лишь проявляет какие-то глубинные свойства любого народа, как только он в своем стремлении к могуществу и богатству сталкивается в конкуренции с другим народом. Дело здесь не в "праве на империю", а в силе, в "праве сильного".

Итак, нам известны три принципа генезиса государства: правовой, классовый и национальный. Это - если судить по имеющейся литературе. Насколько последняя соответствует реальности, не знаю. Подчеркну еще раз, что вопрос в моей постановке выглядит так: с чего начинается государство - с установления определенного режима власти или с установления границ, отделяющих территорию одного народа от территории другого? С какого момента люди начинают различать себя не только по этническим признакам, но и государственному подданству? В этнографии, изучающей антропологические, культурные, социальные особенности разных народов, мы ответа на вопрос не находим. Племена каким-то образом определяют территорию своего расселения, но это еще не государство. Что же заставляет людей, помимо своего племенного деления, устанавливать между собой и государственные границы?

И еще вопрос: если границы, устанавливаются по национальному признаку, то совпадает ли этот признак с этническим разделением людей? Обращаясь к этнографическому материалу, мы, как я уже отмечал, не можем объяснить причину возникновения государств. Известно, что государств меньше, чем этносов. Значит, не сам по себе этнос заключает в себе единственное и достаточное условие образования государства. Почему же сегодня мы считаем, что каждый народ должен непременно жить в собственном государстве?

Словом, я не веду разговор в категориях реальности лишь потому, что ставлю вопрос, а не отвечаю на него.

Впрочем, замечу, по крайней мере, что верность не только истории идей, но и реальности требует проведения различия между этническим и национальным, иначе мы не увидим сути проблемы. Более того: что касается национального государства, то и оно — и в этом, по-видимому, и заключена проблема - отнюдь не последняя реальность, за ним стоит что-то, внутри чего только и можно понять, что такое национальное государство: последнее нельзя превратить в самодовлеющий, или, как писал А. Тойнби, "умопостигаемый предмет знания". Возможно, это "что-то" - тип цивилизации. В самом деле: можно ли ставить вопрос о национальном государстве вообще, в качестве универсально значимой категории? Я считаю, что национальное государство - феномен европейской истории. (Из этого, кстати, вытекает особая проблема, заключающаяся в следующем: что такое национальный вопрос за пределами европейской истории? И правомерен ли за ее пределами вообще такой вопрос?)

Несколько дополнительных пояснений в этой связи относительно оппозиции либерализма и национализма. Ее можно проиллюстрировать на примере истории политической мысли той же Германии. Я уже упоминал Фихте. Он начинает как глашатай идеи правового государства. А к чему приходит? Государство, по мнению позднего Фихте, периода его "Речей к немецкой нации", должно служить не частным интересам индивида, а интересам нации, ее сплочению и объединению. Государство стоит на защите нравственности, а носителем нравственного начала является народ. Не право делает человека свободным, а его нравственное, моральное состояние, его приобщенность к "духу нации". С этого момента Фихте становится яростным критиком идеи правового государства.

В какой-то мере ту же оппозицию можно увидеть в истории общественно-политической мысли России. Русская национальная идея, о которой сейчас так много говорят, возникла также в противовес либеральной идее правового государства, как реакция на просветительскую, т. е. в нашем случае западную мысль. Здесь национальное воспринимается именно как антипод либерально-буржуазного, индивидуалистического начала.

Так, во всяком случае, обстоит дело в истории мысли таких стран, как Германия и Россия.

Является ли в реальности национальное государство отрицанием или же, напротив, необходимым дополнением правового государства? В этом я вижу проблему, которую и ставлю на обсуждение. На что должно быть ориентировано государство: на право или на нравственность, на частное лицо или на нравственную личность? Можно, конечно, счесть такую оппозицию ложной, не соответствующей проблематике реальности, но нельзя не видеть здесь проблемы, поставленной историей политической мысли, в особенности начиная с эпохи Просвещения. (Что касается средневекового сознания и вообще всего, что предшествовало Просвещению, либерализму и т. п., то национальной проблемы тогда не существовало. Средневековье по своему сознанию космополитично). Проблема национальной культуры, национального государства, национальной экономики в истории мысли возникает как определенная - позитивная или негативная - реакция на либерализм, на идеологию Просвещения.

ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РОССИИ особая трудность в определении понятия национального государства в том и состоит, что национальное государство — категория европейской истории, всей западной цивилизации, в которую мы пока еще не вошли. Не знаю, войдем ли!... Россия до сего времени никогда не была ни национальным, ни правовым государством и только сейчас впервые столкнулась с необходимостью для себя решать проблемы, связанные с тем и другим. Отсюда и наша теоретическая

беспомощность, и наш политический дилетантизм, явившийся одной из причин нашего государственного распада. Решение проблем России я вижу на пути создания одновременно правового и национального государства, органического сочетания того и другого. Иного пути просто нет: конфронтация либеральной и национальной идеи ведет в тупик. Посмотрите вокруг себя, на улицы, на противостоящие друг другу под демократическими и национально-патриотическими лозунгами толпы людей, и вы увидите, к чему ведет такая конфронтация. Но как помирить обе идеи между собой?

Почему демократия в наших бывших республиках так быстро обернулась самым откровенным национализмом, не имеющим ничего общего с правами человека? Что можно противопоставить этому?

Есть, кажется, одно, в чем большинство из нас сходится, - восприятие развала нашего государства как несомненной исторической трагедии. Независимо от того, произошел ли этот развал под действием объективных причин, т. е. был ли он исторически неизбежен, в общественном сознании он воспринимается как безусловное поражение России, как ее движение не вперед, а назад. Нельзя иронизировать над этим чувством, видеть в нем лишь пережиток имперских настроений, великодержавного шовинизма или желания удержать народы в составе Российского государства силой. Здесь присутствует нечто большее - осознание того, что та форма, в какой произошел у нас распад государства, свидетельствует не о силе демократии, а о ее слабости. Демократия не выиграла, а проиграла в результате такого распада, если вообще не потерпела сокрушительное поражение. Сегодня мы думаем, как предотвратить наступление национал-фашизма, а ведь угроза с его стороны намного возросла именно вследствие происшедшего распада. Допустив ликвидацию бывшего Союза, мы принесли демократию в жертву не национальным, а националистическим интересам, абсолютизирующим разделение людей по этническому признаку. Вот здесь-то и становится очевидным, что отличает нацию от этноса, почему национальное государство не является синонимом этнически однородного государства или государства, ориентированного преимущественно на какой-то этнос. Под видом образования новых национальных государств возрождается старая вражда племен и народов, не способных сосуществовать друг с другом именно в силу своей этнической принадлежности. И это называется победой демократии в национальном вопросе!

Нередко говорят, что все империи исторически обречены, а их существование не имеет ни правового, ни морального оправдания. Будущее за национальными государствами, под которыми многие понимают этнически однородные политические объединения людей. Большая часть таких утверждений — историческая ложь. Во-первых, практически все цивилизованные нации сформировались в составе той или иной империи. Значит, империи - не только историческое зло, но необходимый этап в процессе образования наций. Без первого не было бы и второго. Сам по себе этнос никогда не родит из себя нацию; для этого ему требуется пройти ряд промежуточных ступеней, в том числе и тех, которые представлены имперскими формами государственности. Во-вторых, развал империи не всегда сопровождается таким несомненно прогрессивным процессом, как образование экономически и политически самостоятельных национальных государств, но ведет часто к обострению межэтнической розни, к восстановлению племенных границ, к возникновению новых наднациональных (т. е. опять-таки имперских) объединений, а то и к гибели, рассеиванию этносов. Что сохранилось после падения Римской империи, Византии, великих империй древности? Их конец был равносильен гибели целой цивилизации, а вместе с нею и многих включенных в нее народов. В этом также есть историческая неизбежность, но неизбежность конца, гибели, катастрофы. Так что не во всем и не любой распад империи есть благо. В-третьих, рождение нации в составе империи вовсе не означает простое возрождение былых этносов, входящих в империю. Нации могут возникать из смешения разных этносов или, наоборот, один и тот же этнос может расщепиться на несколько наций. Если процесс образования нации не закончен, гибель империи есть несомненное зло: плод не созрел, а его носитель уже погиб. Похоже, что Россия как империя погибла раньше, чем в ней возникли полноценные нации. Здесь и заключена главная причина раздражающих ее межэтнических конфликтов.

Империя как форма государственности, исторически предшествующая национальному государству, является следствием межэтнических конфликтов и одновременно способом их разрешения. Источник этих конфликтов заключен в самой природе этноса как групповой организации, в которой индивид не отличает себя от группы, осознает себя лишь в категориях группового мышления. Для такого сознания любая другая группа предстает как "чужая", враждебная "своей". Между "своим" и "чужим" здесь нет никаких опосредующих звеньев, никаких общих ценностей, побуждающих к взаимному

согласию и сотрудничеству. Отсюда и противостояние одного этноса другому, которое разрешается либо силой, либо путем духовного "прорыва" к надэтническим ценностям (например, религиозным), либо и тем и другим. В самом деле, выход за рамки этнически-группового сознания и существования происходил в истории либо в форме мировых религий, либо в форме империй. Именно здесь рождаются первые представления об общечеловеческом, связующем людей помимо их этнических различий. Так, христианство породило общечеловеческую мораль, а Римская империя - правовое сознание.

Во всяком случае, государство - даже в своей имперской форме - на порядок выше племенной организации общественной жизни людей, их деления на этносы. Последние представляют собой более древнюю и примитивную форму человеческой общности.

Образование национальных государств имеет своей предпосылкой систему не только этнических, но и общечеловеческих ценностей, которые обращены не к обособленным друг от друга группам, а к индивидам, способным отделять себя от своей группы, мыслить независимо от нее. Нация и есть межиндивидуальная коммуникация людей на базе некоторых общих для них ценностей и норм, задаваемых уже не общим происхождением, кровным родством или просто совместным проживанием, а культурой, т. е. системой некоторых вынесенных вовне символических образований.

Что значит принадлежать к нации? По какому признаку мы определяем свою принадлежность к ней? Нация, в отличие от этноса, - это то, что существует не во мне, а вне меня, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Признаки нации имеют характер внешних для индивида знаковых или символических обозначений. Как, например, символизируется государственно-национальное подданство? Паспортом. А национальная экономика? Национальной валютой. В этой знаковой системе и существует нация. Отдельному индивиду она предстает как некоторая вне его существующая реальность, по отношению к которой он может свободно самоопределяться. Если в моей принадлежности к этносу нет никакой моей личной заслуги, этнос я не выбираю, то нацию - выбираю, могу выбрать. Можно сменить нацию (хотя, разумеется, это и не сводится просто к смене подданства или валюты). В любом случае этническая принадлежность еще не характеризует принадлежность к той или иной нации. Можно быть армянином по своему этническому происхождению и считать себя принадлежащим к французской нации. Нация же - это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность.